

Дом князей Барятинских на М. Якиманке

Вступление в Москву и начало пожара

Вступив в Москву, я разослал своих лейтенантов с несколькими солдатами по соседним улицам, чтобы раздобыть провизии. Они нашли все двери запертыми и забаррикадированными. Пришлось их взломать. В одну минуту все было разграблено! То же самое происходило и в других частях города. Опасаясь какой-нибудь неожиданности, я приказал части солдат остаться при орудиях, а другим возвращаться по первому сигналу. Почти уже ночью ко мне подошел какой-то человек и, называя себя французом, очень вежливо предложил гостеприимство мне и моим офицерам. Его дом находился рядом со стоянкой моих солдат, и я согласился. Нас приняла дама, рекомендовавшаяся француженкой, женой служащего в главном бюро французской лотереи в Париже. Мы были в доме. Мы разговаривали по-французски. Более трех месяцев не было у нас такого праздника. Нам подали суп с вермишелью, кусок говядины с макаронами, несколько бутылок прекрасного бордо; мне казалось, что никогда в жизни я так вкусно не ел.

После кофе мы начали болтать. Не утратив в России способности болтать как истая француженка, наша хозяйка рассказала нам о богатстве и роскоши Москвы, об удовольствиях, которыми мы будем пользоваться зимой. «Здесь столько дворцов, — говорила она нам, — что каждый из вас получит по одному». По ее словам, Александр придет униженно умолять нашего императора о мире, и все население вернется, чтобы устроить нам манифестацию.

Мои лейтенанты приходили от всего этого в восторг; как вдруг, покинувший нас на минуту, хозяин вошел смущенный и дрожащий, говоря: «Ах, господа, какое несчастье. Ряды — горят!»

«Что такое ряды?» — спросили мы. «Это громадное здание, вдвое большее Императорского дворца. Там торгуют золотом, бриллиантами и прочими драгоценностями. Потеря этой ночи будет неисчислима!»

Я вышел и действительно увидел зарево. Нагнувшись к моим лейтенантам, я шепнул им: «Мы погибли, русские хотят сжечь Москву. Пойдем спасать наши орудия!»

Вернувшись к моему отряду, который был поблизости, я собрал его и посоветовал застаться самым существенным, т.е. мукой, водой и теплой одеждой. Я сам заставлял солдат взламывать магазины, чтобы забрать несколько мешков муки; мне трудно было заставить их это делать, так как они предпочитали золото.

Сложив все эти мешки в занимаемом нами помещении, я вернулся к нашему хозяину и провел всю ночь, сидя на стуле, не раздеваясь и с оружием в руке. Я встал на следующее утро очень рано, уверенный, что мы покинем Москву, где пожар опустошил уже несколько кварталов, но не получая никаких приказаний и не зная, к кому с ними обратиться, я решил устраиваться со своим отрядом. Сыну моей хозяйки было 15 лет; он говорил по-французски и по-русски. Я обратился к нему с просьбой помочь мне сделать осмотр соседних домов. Многие из них были уже разграблены. Я поместил своих солдат в огромном здании, комнаты которого были великолепны — но мебели не было никакой. Мне оно тем более понравилось, что там было много печей, где я рассчитывал в свободное время напечь хлебов. Другое, рядом с ним стоящее здание принадлежало Барятинскому. Мой проводник, поговорив кое с кем, принес мне следующие сведения; дом не был еще разграблен; в нем было много мебели; провизии не было никакой, если не считать нескольких кур, но зато было много овса и очень хороший винный погреб.

Я поместился здесь, решив заменить все вино съестными припасами, которые достанут мои солдаты. В доме находились еще несколько человек слуг. Я удалил их всех в задние комнаты дома, обещав им пропитание, с условием, чтобы они не касались нас. Затем я спустился в погреб. Взломали дверь, и я увидел, что слуги пьянствовали уже всю ночь. Всюду на полу было разлито вино и валялись пустые бутылки. Однако погреб оказался удобным. Я поставил своего часового во дворе, где стояли батарейные повозки и лошади. Другого у своей двери. Разместив их таким образом, я спустился в погреб, где меня ожидал приятный сюрприз. Кроме огромной 20-ведерной бочки с вином, мы нашли еще массу бутылок, зарытых в песок. Тут были самые тонкие вина: мускатное, малага, мадера и разные ликеры. Все это стоило не преувеличивая — более десяти тысяч рублей. У меня из головы все-таки не выходила мысль, что скоро придется возвращаться во Францию со всякими лишениями, и поэтому я велел отнести в

наши фургоны 250 бутылок мадеры, несколько мешков муки и соленой рыбы, которую мы также нашли в провизии погреба. Мои солдаты тащили все без всякого разбора; они принесли мне из кондитерских корзины с драже, миндалем и макаронами, не обращая между тем никакого внимания на бочку чудного портвейна, найденного в одном из погребков, или на свежие туши, висящие в мясной.

Пьон де Лош

Это дом Хрущевых-Селезневых на Пречистенке. Но до него на этом месте стояла усадьба князей Барятинских, выгоревшая в пожаре 12-года. И уже позже это пепелище выкупили Хрущевы.